

А. П. КАЖДАН

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ VIII—X вв.***

Основоположники марксизма рассматривали феодализм как одну из антагонистических формаций. Классовый антагонизм всегда выражается в том, что часть общества, господствующий класс его, присваивает себе богатства, созданные непосредственными производителями. Прибавочный продукт непосредственных производителей феодального общества, создаваемый ими в условиях господства мелкого, натурального хозяйства, присваивается господствующим классом феодального общества в силу монополии этого класса на средства производства и прежде всего на землю. В соответствии с этим непосредственный производитель выступает в роли „простого придатка к земле“¹. Земля, по словам К. Маркса, противостоит крестьянину „как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике“².

Характерной чертой феодальной собственности на землю являлась ее своеобразная двойственность, вытекавшая из мелкой организации производства, когда средства труда (земледельческие орудия, скот) были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными на единичное употребление; они, как правило, принадлежали самому производителю. Поэтому феодальный обычай признавал за крестьянами владельческие, квази-собственнические права на землю: К. Маркс прямо говорит, что на свои участки „крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы“³. В другом месте он развивает эту же мысль, отмечая, что „даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обязанными платить оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и участниками в коллективной собственности на общинные земли“⁴.

В двойственности феодальной собственности раскрывается, таким образом, важнейшее антагонистическое противоречие феодального общества: противоречие между мелким производством и крупной земельной собственностью. При этом крупная земельная собственность феодального общества выступает, как правило, как собственность коллектива феодалов, которым противостоят крепостные крестьяне. Корпоративность

---

* Статья А. П. Каждана печатается в порядке обсуждения.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 630.

² Там же, стр. 807.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 723.

⁴ Там же, стр. 722, прим. 191.

феодалной собственности выражалась в ее иерархической структуре, объединявшей „разбойничье дворянство“ и дававшей ему власть над крепостными.

Феодалная собственность на землю сложилась и в Византии. И здесь процесс разложения общины и выделения аллодиальной собственности привел в конечном счете к образованию феодалного поместья, крестьянской зависимости и феодалной ренты. Однако феодалная собственность в Византии VIII—X вв. обладала определенными специфическими чертами, отличавшими ее от „классических“ форм средневековой собственности на землю. Одна из отличительных черт византийской феодалной собственности этого времени состояла в том, что реализация этой собственности (т. е. присвоение ренты) принимала в значительной мере централизованный характер¹, — следовательно, феодалной собственности здесь была присуща в большей степени централизованная (деспотическая), нежели иерархическая структура.

В настоящей статье автор предпринимает попытку рассмотреть причины и пути складывания этого типа феодалной земельной собственности. При этом сразу же необходимо оговориться, что генезис феодалной собственности в Византии был необычайно многообразен: автор не задает целью всесторонне осветить этот процесс и рассматривает — сознавая известную искусственность подобного подхода — лишь одну из его сторон.

Корни своеобразия процесса становления феодалной собственности в Византии и складывания здесь к VIII—X вв. централизованной структуры феодалной собственности, а в соответствии с этим и деспотической государственной власти, следует, как нам кажется, искать в особенности славяно-византийской общины.

Ф. Энгельс писал о двух типах государственной власти средневековья, обусловленных „той формой, которую имеют к этому времени общины“². Один из этих типов мы можем наблюдать на завоеванной германцами римской территории, где общинные связи рано были ослаблены развитием аллодиальной собственности. Другой тип — деспотическая государственная власть — складывается в том случае, если государство возникает „в период, когда община обрабатывает землю сообща или, по крайней мере, передает во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не создалась частная собственность на землю“³. Следовательно, по мнению Энгельса, относительная устойчивость общины является тем фактором, который обуславливает формы средневекового государства, обуславливает в каждом отдельном случае возникновение деспотического или иерархического государственного строя. Из этого вытекает, что вопрос о специфических чертах византийской общины имеет первостепенное значение для понимания развития византийского общества.

Славянские и арабские вторжения конца VI—начала VIII в., сливавшиеся с народными движениями в Византии, имели своим результатом разгром крупной земельной собственности рабовладельческого

¹ М. М. Фрейденберг („Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв.“ Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 7) также считает „централизованную систему эксплуатации крестьянина“, „централизованную ренту“ характерной чертой Византии IX—X вв. Э. В. Удальцова полагает, что до XI в. „в платежах крестьян преобладает централизованная рента“ (История средних веков, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 565).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 391.

³ Там же.

⁴ Византийский Временник, т. X

типа: они создали предпосылки для формирования славяно-византийской общины. Условия, в которых складывалась славяно-византийская община, в значительной мере отличались от той обстановки, в которой оказались франкские, лангобардские и иные общины в провинциях бывшей Западной Римской империи. На востоке империи римское влияние на протяжении столетий не уничтожило и не могло уничтожить старых, доэллинистических форм общинной собственности¹. Славянское вторжение влекло за собою возрождение общины, укрепление общинных связей², и со своей стороны местные — фракийские и малоазийские — общинные порядки оказывали существенное воздействие на характер землевладения славян. Следовательно, синтез славяно-византийских общественных отношений протекал в несколько своеобразных условиях: византийское влияние не может быть сведено только к расшатыванию общинных связей и оформлению рождающейся частной собственности, — традиционные, восходящие к доэллинистическим временам общественные отношения содействовали консервации общинных порядков у вторгшихся в Византию племен. Это обстоятельство позволит нам ожидать относительной прочности византийской общины.

Основная масса земель в византийской деревне VIII—X вв. находилась в частном владении. В X в. византийские крестьяне могли продавать свои земли (частями или целиком), сдавать в аренду, передавать в приданое, завещать, обменивать, дарить. Однако права владельцев на их земли были в значительной степени ограничены. Ограничение владельческих прав крестьян-общинников шло по нескольким линиям.

Весьма ограничивали свободу распоряжения крестьян своими участками и препятствовали выделению аллодиальной собственности пережитки родовых отношений³. Даже византийское законодательство, сознательно сохранявшее частновладельческие нормы римского рабовладельческого права, восприняло некоторые положения, восходящие несомненно к обычаям большой семьи. Так, XIX новелла императора Льва VI защищает принцип равного раздела наследства между сыновьями покойного; такой раздел она рассматривает как присущий природе, тогда как иная форма наследования открывает, по словам автора новеллы, путь для несправедливости отца по отношению к сыну, а последнего принуждает к лжи и обману⁴. Эклога, измененная по Прохирону (II, 31), устанавливает, что имущество умершего мужчины наследуют его сородичи (οἱ τῆς γενεᾶς αὐτοῦ συγγενεῖς), — в этой формулировке отчетливо видна сила родственных связей.

Ограничение владельческих прав крестьян проявлялось далее в существовании так называемого права на чужую землю, проступающего в нормах Земледельческого закона. Из этого памятника следует, что наказание за нарушение владельческих прав в Византии VIII в. было несравнимо меньшим, нежели во франкском обществе эпохи составления Салической правды: если Салическая правда карает за запашку чужого

¹ О сохранении общин в эпоху Римской империи см. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 257. Об общинах в V—VI вв. см. Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 40; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. ВС, 1945, стр. 28 и сл.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, ВС, 1945, стр. 142.

³ См. А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. ..., ВВ, т. V, 1952, стр. 79, прим. 2; М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. ВВ, т. VII, 1953, стр. 165.

⁴ Jus, III, p. 93.14.

поля высоким штрафом, то Земледельческий закон (ст. 1—2) устанавливает, что крестьянин, вспахавший и засеявший чужое поле, только теряет свой труд и зерно. Даже если он при этом вырубил деревья, стоявшие на чужом наделе, то и тогда он карается только лишением урожая¹. Иначе говоря, нарушение границ чужого владения не рассматривается здесь как преступление, как деликт, порождающий *actio furti*, но лишь как нанесение ущерба. Права крестьянина-общинника проступают в византийском обычном праве VIII в. куда более отчетливо, чем в самой ранней из западных правд, хотя в целом Земледельческий закон не является столь архаическим памятником, как Салическая правда.

Грамота 990 г. из византийской Италии показывает, насколько слабо было здесь развито право частной собственности еще в конце X в. В этой грамоте рассказывается, что некто Калоиоанн — грек, насколько можно судить по имени, — имел небольшой надел земли в районе Бари. Эта земля была им заброшена, и ее занял армянин Мелий, сын Симагона, от которого она перешла к другому армянину, Крикору. Крикор возделал эту землю и стал получать с нее урожай². Когда после этого Калоиоанн возбудил тяжбу, ему не удалось доказать своих прав на возделанную Крикором землю: он был вынужден отказаться (*donabi atque relaxabi*) от этой земли. Только та земля, которую новый владелец еще не возделал, была возвращена прежнему хозяину и отделена от участка Крикора специальной оградой. Эта грамота подтверждает и конкретизирует данные Земледельческого закона: видимо, и в X в. для византийского обычного права факт действительного владения был более важным, нежели титул собственности.

Более того. Земледельческий закон не только не знает ответственности *ex delicto* за нарушение границ чужого владения, но и разрешает прямое использование чужого надела: ст. 61 позволяет входить в чужой сад и виноградник, если только это делается не ради кражи, а лишь для того, чтобы полакомиться плодами³.

И в X в. крестьяне могли пользоваться *чужими* пастбищами и лесами, особенно если они еще недавно представляли собой общинные земли. Человек, приобретавший общинную собственность, обязан был предоставить соседям известные права на эту землю. Покупатель не должен был препятствовать никому ни в рубке дров, ни в пастьбе скота на купленной им земле, ни в собирании каштанов и сенокосе⁴. В новелле 947 г. рассказывается о продаже земли динамом: в этом случае крестьяне пользовались правом преимущественной покупки соседних земель (*ἐν οἷς εἰσὶν ἀναγκαστικῶν μέντοι*), коль скоро они не могли вести хозяйство без принадлежавших динаму пастбищ, водных источников и горных склонов⁵. Повидимому, в данном случае речь идет о прежних общинных угодьях, титул собственности на которые был присвоен феодалом; однако динам

¹ Земледельческий закон, ст. 20.

² *Codice Diplomatico Varese*, t. IV, Bari, 1900, № 4, 12—13.

³ Ср. Эклога, измененная по Прохирону, XVIII, 14. Повидимому, эта норма уже потеряла силу к IX в. В житии Илариона Грузина (М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, т. II. СПб., 1872, стр. 116) расхваливается высокодобродетельный поступок сторожа одного солунского виноградника: этот сторож разрешил Илариону войти и сорвать кисть винограда. Строго запрещает пользоваться чужими плодами без разрешения владельцев земли и LVI новелла Льва VI (*Jus*, III, p. 151.14). Наконец, житие Феодора Гаврского, относящееся по содержанию к XI в. (изд. А. И. Пападопуло-Керамевс. ВВ, т. XII, 1906, стр. 136.4), рассказывает о суровом наказании, постигшем воина за то, что он похитил и съел кисть винограда.

⁴ *Lavra*, № 4.14—21; ср. *ibid.* № 3.26—32.

⁵ *Jus*, III, p. 256.6—9.

обязан был предоставлять крестьянам возможность пользоваться той землей, которая прежде принадлежала общине.

В других случаях права соседей выступают в более ограниченной форме. Грамота 987 г., относящаяся к району Милета, устанавливает, что соседи не имеют права без ведома хозяев вступать на чужую территорию (*περιοχή*) и рубить там дрова, — однако она предусматривает, что с разрешения хозяев они могут рубить там дрова, но исключительно для собственных нужд, а не на продажу¹. Последняя оговорка показывает, что обычай вынуждал хозяев прежней общинной территории предоставлять соседям возможность пользоваться ею. В частности, лаврская грамота 985 г. свидетельствует о том, что владельцы пастбищ разрешали соседям выгонять скот на эти пастбища². Наконец, согласно грамоте 1015 г., владелец прежней общинной территории оказывался обязанным предоставить соседям право рыбной ловли в собственных владениях³.

В Земледельческом законе (ст. 32) отражена другая форма проявления права на „чужую собственность“: в византийской деревне не действовал принцип римского права: *superficies solo cedit*, и поэтому сплошь да рядом на земле, находившейся в собственности одного крестьянина, росли деревья, принадлежавшие другому⁴.

В документах X в. право на „чужую“ землю выступает преимущественно в форме так называемого права близости, реализовавшегося в праве предпочтения или преимущественной покупки. В грамоте из архива лавры св. Афанасия, относящейся к 952 г., упомянут участок, который „с трех сторон“ был окружен владениями других лиц, стремившихся осуществить по отношению к нему право близости⁵. Существование прав соседей („право близости“) отмечено в житии Григория Декаполита (середина IX в.), где рассказывается о спорах, возникших между монахом Захарией и некоей женщиной из-за права близости (*τοῦ γειτονιάτος ἐνεκα*). Причиной этих споров явилось, насколько можно судить по житию, то обстоятельство, что Захария воздвиг строение на земле, близкой (*πλησίον*) к владениям этой женщины⁶.

Права соседей охарактеризованы в СХIV новелле Льва VI, но особенно подробно говорят об этих правах новеллы императоров X в. Новелла Романа Лекапина, выделяющая различные категории „соседей“, называет их всех в числе лиц, пользующихся правом предпочтения⁷.

О праве предпочтения подробно рассказывается в Пире. Пира (XXXVIII, 11) указывает, что право предпочтения вытекает из права близости. В Пире мы найдем описание конкретного казуса, когда некто купил строения, минуя субъекта права близости; когда же этот последний вчинил иск покупателю, тот передал землю в дар церкви; в силу принципа предпочтения судья признал это дарение недействительным

¹ MM, IV, p. 311.8—17.

² Афонские акты, изд. Александром Лаврским. ВВ, т. V, 1898, прилож., стр. 492.2—4.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 103.39.

⁴ Cp. J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. „Recueil de l'Académie de législation“, 19, 1949, p. 48. В отличие от этого Василики (L, 1.6, § 10) держатся принципа римского права.

⁵ Lavra, № 2.

⁶ F. Dvornik. La vie de S. Grégoire le Décapolite. Paris, 1926, p. 63. 22—24.

⁷ Jus, III, p. 238.16—17. Подробно о праве предпочтения см. В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, 202, стр. 175 и сл.

(Πείρα, V, 10). Пира (L, 1) устанавливает длительный срок, на протяжении которого мог быть вчинен иск о нарушении права близости — 10 лет¹; только на землях, носивших название κλάσμα и представлявших собою, повидимому, запустевшие и заброшенные участки, покупатель пользовался льготными условиями — срок действия права предпочтения сокращался до 4 лет (Πείρα, II, 2).

Широкое распространение прав на чужую землю в византийской общине свидетельствует о сравнительной замедленности процесса выделения аллодиальной собственности, которая и в X в. оставалась опутанной многочисленными ограничениями. В византийской деревне мы встречаем тот тип общины, когда, говоря словами К. Маркса, „отдельный человек трудится со своей семьей независимо на отведенном для него наделе“² и все же его земля остается в сфере действия общины: она остается подчиненной действию разнообразных прав, принадлежащих как всем общинникам, так и в первую очередь соседям. Эти права в совокупности могут быть охарактеризованы как права на чужую землю: они проявляются в разрешении пользоваться чужими плодами, чужим пастбищем, чужим лесом, в возможности сажать деревья на чужой земле и претендовать на право преимущественной покупки. Вся эта система прав на чужую землю, коренящаяся в последнем счете в рутинности сельскохозяйственной техники, в свою очередь укрепляла экономические связи между общинниками, объединяла и сплачивала их.

Сила византийской общины проявлялась, в частности, в наличии юридической конструкции общего владения, которое представляло собою как бы сколок с прав общинников. Однако принципиальное отличие общего владения от общинной собственности заключается в том, что первое внешне конституируется как основанное на личных, договорных отношениях — и это вводит в заблуждение многих правоведов, применяющих формально-юридический метод. Эти правоведы, рассматривающие византийскую поземельную собственность как тождественную капиталистической свободной частной собственности, усматривают в византийском общем владении лишь один из типов обязательственных отношений, договор, проявление чистой воли: тем самым они приходят к выводу, что этот тип общего владения является *следствием* частной собственности, результатом свободы распоряжения частной собственностью. Однако данная форма договорных отношений не является простой случайностью; неверно думать, будто эти договоры можно по желанию заключать или не заключать, будто их содержание зависит от индивидуального произвола сторон. Существование и широкое распространение в Византии таких форм обязательственных отношений, которые принимают облик отношений общего владения, не может быть объяснено „простой случайностью“, деятельностью свободной воли: оно является выражением силы традиционных общинных отношений и, в конечном итоге, проявлением невозможности для земледельца вести индивидуальное хозяйство — даже в условиях распада общины.

Одной из форм общего владения является совместное владение по контракту. В новеллах X в. участники такого соглашения обозначались термином συμπεπλεγμένοι κοινωνοί³. Само же общее владение по контракту

¹ В отличие от этого новелла Льва VI разрешала соседям лишь в течение 6 месяцев после продажи „близкого“ участка претендовать на осуществление права предпочтения (Jus, III, p. 220.29).

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Пролетарская революция, № 3, 1939, стр. 152.

³ Jus, III, p. 238.21.

обычно называлось *κοινωνία*, иногда же *κοινότης*¹, т. е. термином, обозначающим также сельскую общину.

Общее владение по контракту возникало из общей покупки² или из приглашения постороннего лица к совместному владению³. В более позднее время возникновение общего владения по контракту могло иметь место в результате пожалования⁴ или обмена части своей земли с таким условием, чтобы весь участок (часть которого отныне считалась принадлежащей другому владельцу) все же продолжал считаться неразделенным⁵.

Общее владение по контракту заключалось в совместном использовании земли. Пира (L, 4) говорит об установлении в таком случае владения двух лиц „без межи“ (*ἄνευ διαστολῆς*). Византийский комментатор новеллы Романа Лекапина подробнее описывает характер использования земли, находящейся в общем владении: „И мы владели этим имуществом нераздельно, совместно и сообща... То я засеивал это поле, а ты мое; то ты засеивал это поле, а я то, что прежде засеивал ты, иногда же мы вместе и нераздельно засеивали одно и то же поле“⁶.

Объектом общего владения могли быть угодья разных типов. Новелла 922 г. говорит об общем доме, поле и винограднике⁷. Лев VI в СII новелле говорит даже о создании *κοινωνία* для рыбной ловли, причем законодатель устанавливает, что те, кто не желает добровольно вступить в такие объединения, должны привлекаться туда против воли⁸.

Византийское общее владение по контракту отличается от *societas* римского права отсутствием полной свободы распоряжения недвижимостью. Если римское право разрешает каждому из сотоварищей свободно отчуждать свою долю, то византийское право распространило и на общее владение по контракту право предпочтительной покупки: согласно новелле 922 г. совладельцы по контракту также пользовались правом предпочтения⁹.

Второе отличие византийского общего владения от римского товарищества может быть прослежено только на материале поздних актов. По римскому праву смерть одного из сотоварищей необходимо ведет к разрыву отношений общей собственности,—согласно византийскому праву после смерти одного из контрагентов его права переходили наследникам—жене или детям¹⁰. Существовал ли этот обычай уже в X в., мы с уверенностью сказать не можем—во всяком случае „Василики“ (XII, 1.4), сохраняя норму римского права, устанавливают, что общая собственность разрывается смертью одного из сотоварищей.

¹ Jus, III, p. 202.7.

² Ibid., p. 238.12.

³ Πεῖρα, L, 4.

⁴ Actes de Pantocrator, publiés par L. Petit. BB, т. X, 1903, прилож., № 5.17.

⁵ Actes de Chilandar, publiés par L. Petit. BB, т. XVII, 1911, прилож., № 97.12.

⁶ Jus, III, p. 234—235.

⁷ Ibid., p. 238.13.

⁸ Ibid., p. 202—203. См. H. Monnier. Les nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, p. 121 sq. Подобно этой новелле и Василики иногда отстаивают общую собственность. Так, Basil., XII, 1.5 рекомендует установление общей собственности между богатым и бедным, чтобы бедняк своим трудом (*διὰ τῆς σπουδῆς*) возместил недостаток в средствах.

⁹ П. В. Безобразов. Рец. на ст. Testaud. Les rapports des paysans et des petits propriétaires ruraux dans l'empire byzantin au Xe siècle и на ст. R. Gaignerot. Des bénéfices militaires dans l'empire romain et spécialement en Orient au Xe siècle. BB, т. VII, 1900, стр. 161.

¹⁰ Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., № 97 и № 112.36.

Таким образом, византийское общее владение по контракту отличалось от римского товарищества большей прочностью, наличием больших прав у совладельцев — иначе говоря, своей близостью к общинной собственности.

Устойчивость византийской общины, равно как и широкая распространенность системы общего владения по контракту препятствовали выделению аллодиальной собственности: развитие дуализма, присущего всякой сельской общине, оказалось здесь замедленным и ограниченным. Но это не значит, что византийская община VIII—X вв. являлась коллективом равноправных и равных в имущественном отношении лиц: сила византийской общины подрывалась изнутри процессами внутреннего расслоения, может быть, более медленными, нежели на Западе, но столь же неумолимыми.

Уже в период составления Земледельческого закона византийская деревня не была поселением равноправных общинников: в ее недрах сложилось, как показала Е. Э. Липшиц¹, множество оттенков и градаций, свидетельствующих о рождении имущественных и социальных противоречий. Этот процесс расслоения византийской общины пошел, естественно, в IX—X вв. еще дальше. Трактат об обложении свидетельствует, что крестьяне не получают в деревне равных наделов: малоземелье вынуждает их иной раз переселяться на новое место². Особенно ярко отражают имущественное расслоение византийской деревни новеллы императоров X в. Они прямо говорят о наличии в пределах деревни богатых (εὐπόρων) и бедных (ἄποροῦντων) членов³; они рассказывают о продаже земли крестьянами и о сдаче ее в аренду⁴. При этом новелла 947 г. подчеркивает, что крестьяне продавали землю своим односельчанам (πρὸς τοὺς συγχωρίτας), а также жителям соседних деревень, входящих в состав той же митрокомии⁵. В другой новелле говорится, что крестьяне отчуждали иной раз весь свой надел целиком⁶.

Продавая свои земли, разоряющаяся беднота византийской деревни подчас превращалась в мистив, сельских „батраков“. Мистий рассматривается в источниках обычно как чужеземец — повидимому, крестьянин, разоряясь, покидал свою общину и поселялся в чужой деревне. В других случаях крестьяне уходили на заработки в города. Иной раз бедность заставляла крестьян продавать в рабство собственных детей⁷.

Разорение византийского крестьянства в значительной степени ускорило ростовщичеством. Оставляя сейчас в стороне спорный вопрос о степени развития денежного обращения в Византии VIII—X вв., отметим, что византийские источники постоянно упоминают ростовщиков. Уже Земледельческий закон знает так называемый ручной заклад: ростовщики брали в заклад поле своего должника, используя урожай этого поля в качестве процентов. И хотя Земледельческий закон (ст. 67)

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123.

² Tract., S. 115.24 (Fr. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, SS. 113—123).

³ Jus, III, p. 249.28—29.

⁴ Ibid., p. 283.17—18 и 240.4.

⁵ Ibid., p. 256. 3—5.

⁶ Ibid., p. 246.5—6.

⁷ Cedrenus. Compendium historiarum, t. II. Bonnae, 1839, p. 503; AB, 11, 1892, p. 23.9. AASS Novembris, III, p. 511 и 513. Законодательные памятники запрещали порабощение свободных людей из-за бедности. Согласно Василикам, продажа детей из-за нужды считалась недействительной (Syn. Basil. A. III. 17). Василики опускают большинство постановлений Дигест, разрешающих самопродажу — и все же в одном месте (Basil., XXVIII, 4.21, § 6) признают возможность самопродажи свободного.

требует, чтобы урожай с заложенного поля шел не только в счет процентов, но и в погашение долга, можно не сомневаться, что и в VIII в. ростовщики нередко присваивали себе владения своих должников.

О широком развитии ростовщических операций свидетельствуют памятники римско-византийского права: книги *Василик*, затрагивающие вопросы залога, очень широко использовались византийскими юристами — в одной только *Пира* имеется свыше ста ссылок на XXIII и XXV книгу *Василик*. *Эпанагога* (XXXV, 1) рисует суровость византийских ростовщиков: они, оказывается, под предлогом взимания долга вырывали из могил трупы должников, подвергая их ограблению¹.

Постоянно говорит о долговых операциях *Пира* (XIX, XXVI, XXVII, XXIX, XXX, XXXVIII и др.). Особенно интересен случай, о котором рассказывает *Пира*, VI, 2. Некто был вынужден трижды заложить дом: один раз, чтобы получить деньги в долг, вторично — при выполнении государственных повинностей, в третий раз — при заключении брака. *Пира* (IV, 3) упоминает другой казус: продажу дома для того, чтобы уплатить долг. Наконец, *Пира* несколько раз рассматривает вопрос о присвоении кредитором залога (XIX, 22, 28 и др.).

Акты из Южной Италии свидетельствуют о широком распространении ростовщичества в этой византийской провинции. В грамоте 997 г. рассказывается о смерти некоего землевладельца, оставившего после себя долги, которые его семья была не в состоянии уплатить²; в грамоте 999 г. идет речь о продаже земли для уплаты долга³. Наконец, разнообразные литературные памятники IX—X вв. нередко упоминают крестьян, обремененных долгами и мечтающих скрыться от своих кредиторов.

Голод, который был частым гостем византийской деревни, также ускорял разорение крестьянства. На протяжении столетия — от *Василия Македонянина* до *Никифора Фоки* (867—969) — мы можем отметить ряд голодных лет. Голод и голодные бунты были в правление *Василия I* (867—886). *Житие Луки Столпника* повествует о голоде, который империя переживала, когда *Лука* был юношей, т. е. в начале X в.⁴. Особенно тяжелым был недород 928 г., за которым последовал ряд голодных лет. Неурожай и голод имели место также в правление *Романа II* (959—963) и *Никифора Фоки* (963—969).

Нередко, наконец, к разорению крестьянина вело прямое насилие. Наряду с крестьянами-бедняками, превращавшимися постепенно в мистив и нищих, вынужденными продавать детей в рабство, на другом полюсе византийской деревни появлялись богатые землевладельцы. Повидимому, уже в период составления *Земледельческого закона* они использовали в своем хозяйстве труд рабов. Применение рабского труда, которое на первых порах уживалось с общинными отношениями, в конечном счете расшатывало общину. С одной стороны, появление рабства означало возникновение в славяно-византийской общине социального неравенства, закрепленного и оформленного в законодательстве. Раб не рассматривался как субъект права и потому, как правило, не являлся ответчиком за совершенное им преступление: возмещать украденное рабом обязан был его господин. Но если раб не нес материальной ответственности за преступление, его подвергали в наказание биче-

¹ Мы оставляем в стороне упомянутое в *Эпанагоге* и *Прохироне* законодательство *Василия I* о взимании процентов. О ростовщических операциях см. также *Эклогу*, измененную по *Прохируну*, XII, 1—15.

² *Codice Diplomatico Barese*, t. IV, № 6. 7—11.

³ *Ibid.*, № 7.5.

⁴ *AB*, 28, 1909, p. 19. 8.

ванию и пыткам¹. С другой стороны, как правильно подчеркивает М. Я. Сюзюмов, рабство содействовало росту имущественного неравенства между самими общинниками и облегчало прямое насилие богатых по отношению к бедноте².

Тенденции, наметившиеся в Земледельческом законе, получили дальнейшее развитие в IX и X вв. В новеллах X в. рассказывается о страстиотах и крестьянах, которые покупали владения односельчан, а также брали их в аренду или эмфитевсу. Особенно яркий материал, рисующий богатеющего крестьянина, находим мы в Трактате об обложении. Там мы читаем, что некоторые члены общины, обладавшие большим количеством скота и рабами, предпочитали покинуть свою родную деревню и переселялись на хутора³. Так развитие отчуждения, аренды и заклада земли влекло за собой перераспределение земельного фонда в среде общинников, а затем — выделение из самой общины мелких вотчинников, представителей новой социальной категории, отрицающей по существу прежнюю систему общинных отношений. Как и на Западе, в Византии аллодиальная собственность явилась предпосылкой исчезновения первоначального равенства земельных владений.

Неравенство порождает столкновения внутри самой общины. Трактат об обложении знает о существовании трений между деревенскими богатеями и остальной массой крестьянства. Становясь на сторону первых, автор трактата утверждает, что они оказываются вынужденными покинуть родную деревню и переселиться на хутор только потому, что их богатство вызывало недовольство некоторых „дурных“ людей. Еще более отчетливо говорит о столкновении в крестьянской среде новелла 922 г., лишаящая права предпочтения тех членов общины, которые запятнали себя преступлениями по отношению к продавцу земли или к его семье. Новелла перечисляет эти преступления: нанесение имущественного ущерба, покушение на жизнь, причинение тяжкого бесчестия — и подчеркивает, что они совершались не в силу случайности, но преднамеренно⁴.

Эти слова новеллы хорошо иллюстрируются рассказом жития Лазаря Галесийского, которое, правда, было написано уже в XI в. Агиограф повествует о том, как соседи, разграбив все имущество осиротевших детей, выгнали их из дому⁵. Постоянные тяжбы из-за земли, которые ведут между собой крестьяне⁶, отражают нарастание противоречий внутри общины. О распространенности земельных тяжб свидетельствует в первую очередь „Сказание о 42 аморийских мучениках“, где автор рисует как обычное явление бытовую картинку тяжбы из-за поля⁷. Новеллы императоров X в. подчеркивают, что византийские землевладельцы, стремясь обойти затруднения в распоряжении землей и, прежде всего, право предпочтительной покупки, заключали фиктивные сделки дарения, обмена, передачи приданого и т. п., за которыми, на самом деле, скрывалась продажа земли⁸.

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 129; М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „УЭ Свердловского пединститута“, т. IV, 1948, стр. 63.

² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 64.

³ Tract., p. 115. 30.

⁴ Jus, III, p. 239. 29—32.

⁵ AASS Novembris, III, p. 529. D.

⁶ Jus, III, p. 257.19.

⁷ В. Васильевский и П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках. „ЗАН по ист.-фил. отд.“ т. VII, 1905, № 2, стр. 69. 20.

⁸ Jus, III, p. 240. 12—15.

Развитию частной собственности несомненно содействовало византийское законодательство и прежде всего — рецепция римского права. Вразрез с нормами византийского обычного права Василики (XIX, 6. 20) устанавливали, что каждый человек имеет возможность свободно продать принадлежащую ему долю; никто — ни родственники, ни сотоварищи по общему владению (*κοινωνοί*, — можно понять и „общинники“) — не должны были ему в этом препятствовать¹. Василики сохраняют также нормы римского законодательства, касающиеся свободы завещания (кн. XXXIX), долгового права и заклада. Все это позволяет присоединиться к выводу М. Я. Сюзюмова, который считал, что Василики активно содействовали наступлению на мелкого земельного собственника².

Таким образом, выделение аллодиальной собственности, которое было обусловлено действием объективных законов, отражающих процессы экономического развития, несомненно имело место в византийской деревне VIII—X вв. Однако оно протекало менее интенсивно, нежели во Франкском государстве, в силу того, что общинные отношения оказались в Византии более устойчивыми. Это имело своим результатом относительную слабость рождающегося класса византийских феодалов: владения их (во всяком случае, до X в.) были сравнительно невелики, и значительная масса крестьянства еще оставалась не втянутой в сферу вотчинной эксплуатации. В то же время и процесс консолидации класса феодалов еще не был завершен.

В этих условиях наряду с частным закрепощением крестьянства и даже, повидимому, в большей степени происходило общегосударственное его закрепощение: государство действовало как орган, выражающий интересы господствующего класса, отдельные представители которого не обладали достаточной экономической и политической мощью, чтобы преодолеть сопротивление общины. Византийское государство, являвшееся определенной формой политической надстройки, будучи порождено базисом, в свою очередь, содействовало его оформлению и укреплению. В результате этого значительная часть свободных общинников была превращена в „государственных крестьян“, эксплуатация которых осуществлялась в форме присвоения централизованной ренты, выступавшей в разнообразных проявлениях: барщина, натуральный оброк, денежная рента, постой, штрафы и т. п. Славяно-византийская община, которая была расшатана, но не разрушена развитием аллодиальной собственности, оказалась поставленной под контроль государства: иначе говоря, общинная собственность была подчинена феодальной государственной собственности на землю. С общиной произошла существенная метаморфоза: из коллектива, обеспечивающего права крестьян на землю, она превратилась в организацию, в первую очередь обеспечивающую феодальному государству повинности крестьян.

При этом подчинение общины государством не вызывало изменений в характере производства: оно оставалось попрежнему мелким, разобщенным, самостоятельным производством отдельных крестьян, которые вместе с семьей трудились на своих участках. Дело сводилось только к тому, что прибавочный продукт, который прежде шел на обеспечение общинных нужд и на создание общинных запасов, теперь поглощался государством. Отсюда вытекало неминуемое обнищание крестьянства,

¹ Схолия к этому месту указывает, что данное постановление было отменено новеллой Константина VII. В дальнейшем в Типукике схолия волилась непосредственно в текст.

² М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства Василик. ВВ, т. VI, 1953, стр. 87.

учащение голодовок, кабала, мобилизация земли — и как следствие этого ускорение темпа феодализации.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные черты этой метаморфозы общины в VIII—X вв.

Модификация природы общины проявилась в создании феодальной собственности государства на землю¹. Это представление о верховной собственности государства на землю находило двойное выражение. С одной стороны, оно выражалось в том, что в византийском праве всякая недвижимость рассматривалась как принадлежащая государству (πᾶν γὰρ ἀκίνητον ὑποδημισίον ἐν) и лишь уступленная императором лицу, выполняющему государственные повинности (τῷ τῆν καταβολὴν ποιουμένῳ τῶν δημοσιολογῶν βάρων)². Поэтому „свободными от податей“, ἀτελεῖς, документы называют людей, не имеющих собственной земли (μητέ γῆν ἰδίαν ἔχοντες)³: не платить подати и не иметь земли было синонимом. Такое представление о взаимозависимости владения землей и обязанности платить подати обусловило правило, что в случае иска к владельцу факт уплаты государственных податей давал провизорную защиту⁴.

При этом византийское право исходило из того, что именно выполнение повинностей было определяющим, первичным. Если произошло „смещение границ“, указывает Пира (XXXVII, 1), необходимо провести передел пропорционально размеру платимых сторонами государственных податей. В другом месте Пира (IX, 10) идет речь о Нисийском монастыре, который был обвинен в том, что обладал большим количеством земли, нежели это соответствовало сумме платимых им податей. Сообразно с этим принципом магистр Евстафий Роман указал одной церкви, что она должна обладать таким количеством земли, какое отвечает размерам ее повинностей⁵.

Для того, чтобы поддерживать это соответствие между размерами податей и земли, чиновники проводили время от времени так называемое выравнивание (ἰσώνωσις γῆς)⁶, т. е. передел крестьянской земли в соответствии с суммой платимых каждым податей (τὴν ἐπιβάλλουσαν τῷ ψηφίῳ / γῆν)⁷. При этом чиновники финансового ведомства, производившие „выравнивание“, должны были следить, чтобы всякого рода посторонние платежи и доходы не принимались в расчет при исчислении размеров надельной земли. „Они не имеют никакого значения при выравнивании земли“, — прямо говорит Трактат об обложении⁸. Поэтому в том случае, когда землевладелец платил специальный налог за дома, или бани, или какие-нибудь иные постройки, грамоты XI в., фиксировавшие его права на эту недвижимость, особо оговаривали, что сумма этих налогов не должна приниматься в расчет при „выравнивании“⁹.

¹ Д. А. Дзакитенос (D. A. Zakythenos. *Étatisme byzantin et expérience hellénique*. „Mélanges Grégoire“, vol. II, 1950, p. 674) отрицает существование в Византии представления о „царской земле“. См. критические замечания Ф. Дэльгера (Bz, 45, 1952, S. 194) со ссылкой на новеллу Василия II от 996 г.

² Jus, III, p. 220.21.

³ M. G e d e o n. Βυζαντινὰ χρυσόβουλλα καὶ πιττάκις. „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“, t. IV, p. 405.

⁴ Jus, III, p. 150.29.

⁵ Πείρα, XV, 10.

⁶ Tract., p. 122.41. „Выравнивание“ отождествляется с эпиболе (в новом значении этого слова). Ibid., p. 115.2.

⁷ Ibid., p. 121.31.

⁸ Ibid., p. 118.11.

⁹ Lavra, № 53.33. См. F. D ö l g e r. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden. BZ, 39, 1939.

В соответствии с этим представлением о литургии как определяющем факторе при исчислении размеров надела производился раздел земли, бывшей до сих пор в общей собственности; он осуществлялся пропорционально той сумме налогов, которую вносил каждый из землевладельцев, принимавших участие в разделе¹. Видимо, именно из этого представления о земле как о средстве обеспечения литургий вытекает теория „справедливой цены“ (*ἡ δίκαια ἀποτίμησις*) на землю², составляющая юридическую основу аграрного законодательства X в.

С другой стороны, из представления о верховной собственности феодального государства на землю вытекало право императора конфисковать без суда частновладельческие земли. Такая конфискация обозначалась техническим термином *ἀποσπᾶν*: она упомянута уже в Трактате об обложении³. Дополнительные сведения о праве конфискации земли мы находим в переписке Феофилакта Болгарского. В одном из своих писем он сообщает, что деревня, которая издавна принадлежала его архиепископии, была затем отнята (*ἀποσπασθέν*) императором⁴. Феофилакт в недоумении спрашивает о причинах такого решения, но он даже и не думает оспаривать право императора конфисковать земли подданных. Право конфискации земли действовало в Византии еще в XIII и XIV вв.⁵

Таким образом, номинальным верховным собственником всей земли считалось государство; феодальная собственность государства на землю реализовалась в централизованной феодальной ренте-налоге; в силу этого всякий подданный рассматривался как владелец земли лишь тогда и постольку, когда и поскольку он исполнял государственные повинности и в соответствии с этим был внесен в податные или стратиотские списки. Только в виде исключения в X в. могла существовать привилегированная, „свободная“ (от уплаты податей) земельная собственность — предшественница феодальной собственности последующего периода, оформлявшаяся обычно экскуссионными грамотами. Чтобы обеспечить реализацию своей коллективной феодальной собственности, господствующий класс с помощью государственного аппарата прикрепляет стратиотов, государственных париков, экскуссатов дрома, просодиариев⁶ и другие категории крестьянства к земле, запрещает им уходить из деревень.

Метаморфоза общины приводит к тому, что вытекающий из общинных отношений принцип взаимной помощи превращается в своеобразное средство обеспечения литургий. Византийское государство требовало, чтобы крестьяне отвечали друг за друга при выполнении государственных повинностей: уже Никифор I (802—811) издал закон о том, что бедняки должны вооружаться за счет более богатых соседей. Точно

¹ Пейра, XXXVII, 2.

² Jus, III, p. 250.32.

³ Tract., S. 121.15.

⁴ PG, t. CXXVI, col. 533.

⁵ В 1259 г. император Михаил VIII отнял (*ἀποσπᾶ*) хорафий у Мануила Комнина Ласкаря и передал его Патмосскому монастырю (MM, VI, p. 191 sq.). В 1286 г. император приказал передать Зографскому монастырю землю некоего Газы в деревне Лозякий (Actes de Zoграфου, publiés par W. Regel, E. Kurtz, V. Korabiev. BB, t. XIII, 1907, прилож., № 10.21), при этом Газа должен был получить соответствующий участок земли в другом месте. В 1294 г. деревня Каллиста была отнята у Комнина Константина Ласкаря и передана монастырю Каракалла. BCH, 60, 1936, p. 432.24. Ср. также MM, IV, p. 194 и Actes de Chilandar. BB, t. XVII, 1911, прилож., № 44 и № 150.7.

⁶ См. о них А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. BB, т. V, 1952, стр. 77 слл.

так же и в X в. стратиоты, которые не могли на свой счет приобрести вооружение, получали помощь со стороны *судбѣта*¹.

В то же время крестьяне должны были в силу круговой поруки отвечать друг за друга перед податными сборщиками. Вопрос о принудительном привлечении односельчан к уплате податей за выморочный надел (*ἐπιβολή*) неоднократно обсуждался в исторической литературе. По мнению А. Монье², *эпиболе*, возникшая в период Поздней Римской империи, исчезла в VII—VIII столетиях и возродилась только в IX в. В отличие от этого К. Э. Цахариэ фон Лингенталь выдвигал теорию непрерывности в развитии *эпиболе*³; его мысли были развиты Г. Острогорским, который считал, что *эпиболе* уступило место *аллиденгию* (в широком смысле), появляющемуся уже при Никифоре I, — но и *аллиденгий* в указанном смысле представлял собою обязанность крестьян отвечать за исправное выполнение податей с выморочного надела⁴. Э. Штейн предпринял попытку провести разграничение между античной *эпиболе* и византийским *аллиденгием*⁵. Различие между этими институтами он находил в том, что *эпиболе* сложилось в условиях существования городских территорий и экзимированных поместий (*fundi excepti*); после разгрома крупной земельной собственности и устранения власти курий основной фискальной единицей стала деревня, в пределах которой и совершалась теперь „накидка“ выморочной земли. Это изменение, по его мнению, и отражается в замене термина *эпиболе* термином *аллиденгий*.

В отличие от Г. Острогорского и Э. Штейна, Ф. Дэльгер стремился доказать, что термин *эпиболе* — в его старом античном значении — продолжал применяться вплоть до конца XI в.⁶ Впрочем, его выводы были подвергнуты убедительной критике в статье Ж. Руйар, которая показала, что в XI—XII вв. термин *эпиболе* употреблялся в новом значении, а именно — как синоним „выравнивания“ земли. Она высказывает в связи с этим сомнения в возможности сохранения до этого времени старой *эпиболе*⁷.

При таком разнообразии мнений относительно *эпиболе*, нам представляется полезным еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса, собрав по возможности полно относящиеся сюда данные источников. Привлечение соседей к уплате податей за бежавшего крестьянина известно уже Земледельческому закону. Один из вариантов статьи 19 указывает, что крестьяне, пользующиеся полем бежавшего односельчанина, обязаны крестить повинности, названные здесь *ἐκστραβόρινα* (разу-

¹ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis. Bonnae, 1829, p. 695.18. О *судбѣта* см. также Jus, III, p. 265.2.

² H. Monnier, L'ἐπιβολή. „Nouv. Revue historique de droit français et étr.“, 16, 1892; 18, 1894, 1895.

³ K. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1892, S. 233.

⁴ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. VfSWG, 20, 1927, S. 25 ff.

⁵ E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. VfSWG, 21, 1928, S. 161.

⁶ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 128 ff. и особенно F. Dölger. Das Fortbestehen der ἐπιβολή in mittel- und späbyzantinischer Zeit. „Studi in memoria di A. Albertoni“, II, 1934, S. 9.

⁷ G. Rouillard. L'ἐπιβολή au temps d'Alexis I Comnène. Byz., 10, 1935, p. 83 sqq. Ф. Дэльгер (BZ, 36, 1936, S. 160) был вынужден пойти на уступки, сказав, что *эпиболе* в старом значении встречается все реже, а в новом — все чаще. Но и с этим нельзя согласиться, ибо его ссылки — в доказательство позднего существования *эпиболе* — на синопсисы и на Арменопула, повторяющих античные юридические памятники, не могут считаться убедительными.

меется, те, которые были возложены на бежавшего соседа); за невыполнение этих повинностей они караются штрафом. Собственно говоря, статья 19 не знает привлечения крестьян к уплате за односельчанина-недоимщика: она говорит лишь об обязательности уплаты податей в том случае, если кто-нибудь пользуется землей бежавшего соседа.

В ст. 18 также трактуется вопрос о беглом недоимщике. В том случае, если крестьянин, не имея возможности обработать свое поле (в других вариантах — виноградник), покинет его, Земледельческий закон разрешает, чтобы οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι собрали урожай на этом участке; возвратившийся владелец не имеет права предъявлять к ним какие-либо претензии.

Основную трудность при истолковании этой статьи порождает слово ἀπαιτούμενοι (от греческого ἀπαιτέω, взыскивать). Этот термин Е. Э. Липшиц справедливо переводит как „лица, ответственные перед казной за подати“¹. Но кто является таким „ответственным лицом“: сосед, староста или вообще всякий член общины, выполняющий государственные повинности, — остается неясным. Во всяком случае, следует обратить внимание на то, что Земледельческий закон не говорит о *принудительности* привлечения крестьян к обработке оставленного надела и не предусматривает отказа со стороны ἀπαιτούμενοι: он лишь охраняет их от претензий вернувшегося владельца.

Более того, ст. 21 свидетельствует, что обработка чужой заброшенной земли носила добровольный характер, коль скоро здесь предусматривается отказ нового владельца вернуть освоенную им землю.

Следовательно, Земледельческий закон фиксирует обычай, *разрешающий* крестьянину пользоваться заброшенной землей; он обеспечивает временного владельца от претензий прежнего хозяина земли; в то же время он возлагает на временного владельца обязанность выполнять повинности за участок, которым он пользуется. Принудительного привлечения крестьян к отправлению государственных повинностей за недоимщиков (эпиболе-аллиленгия) Земледельческий закон не знает.

Соображение об отсутствии эпиболе-аллиленгия в VIII в. подтверждается также рядом известий о новом введении в IX в. принудительного привлечения крестьян к уплате податей за соседей. Феофан, рассказывая о „злодеяниях“ Никифора I, называет среди них также и установление обязанности односельчан (ὁμοχώρων) платить подати друг за друга². Скилица также рассказывает, что по постановлению Никифора соседи должны были платить налоги (τέλη) за погибших (ἐκτριβέντων) и бежавших (οἰχομένων) односельчан³. Наконец, хотя и с некоторыми оговорками, мы можем привлечь латинский перевод хроники Феофана, сделанный осведомленным о византийских делах Анастасием Библиотекарем: там говорится, что по указу Никифора обязанность платить подати была возложена на всю общину (omnis proximitas)⁴.

Таким образом, ряд источников свидетельствует об установлении при Никифоре I обязанности платить подати за умерших или бежавших

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 131. Впрочем, о податях текст не говорит: речь идет в более общей форме о повинностях.

² Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I, 1883, p. 486.23. Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge, S. 129) считает, что Никифор не ввел этого постановления. Однако его аргументация сводится к призыву внимательно прочитать текст Феофана.

³ Cedrenus. Compendium historiarum, vol. II, p. 37.

⁴ Theophanes. Chronographia, vol. II, p. 325. Ср. H. Monnier. Les nouvelles de Léon le Sage, p. 124.

соседей. Е. Э. Липшиц сближает это постановление Никифора с разобранным выше вариантом статьи 19 Земледельческого закона¹. Однако постановление Никифора говорит об ответственности всей общины (*omnis proximitas*), а статья 19 — об индивидуальной ответственности; кроме того, как мы показали, статья 19 не знает принудительного привлечения соседей к отправлению повинностей.

Дальнейшая судьба постановления Никифора нам неизвестна: возможно, что вместе со всеми его мероприятиями и это постановление было отменено после смерти императора.

Новая попытка ввести обязанность землевладельцев платить подати за выморочные наделы была предпринята в конце IX в. При императоре Василии I (867—886) чиновники податного ведомства предложили „послать по всем фемам, подчиненным власти ромеев, так называемых эпоптов и эксисотов, чтобы они передали *τοὺς ἀγροὺς καὶ τὰ χωρία*, владельцы которых унесены потоком времени, другим лицам, отчего государственной казне был бы немалый доход“².

Прежде чем перейти к истолкованию этого свидетельства по существу, необходимо выяснить смысл выражения: *οἱ ἀγροὶ καὶ τὰ χωρία*, которое может быть переведено двояко. Выражения *ἀγρός* и *χωρίον* употребляются часто для обозначения различных типов сельского поселения; приняв это значение, мы получили бы перевод: „деревни и села“. Однако такой перевод вызывает возражения: трудно предположить, что в Византии в это время было большое количество феодальных владений, деревень и сел, лишившихся хозяев и не переданных их наследникам. Но и в этом случае — даже если мы допустим такую возможность — налоги с этих поместий не перестали бы поступать, ибо платить их должны были бы крестьяне. Поэтому мы считаем более правильным переводить *ἀγρός* — поле (в этом значении этот термин постоянно встречается в Геопониках, а также в Василиках), а *χωρίον* — надел земли (таково, например, словоупотребление новелл Льва VI).

Следовательно, чиновники податного ведомства хотели передать выморочные наделы другим собственникам с возложением на них обязанности платить подати. Однако это мероприятие при Василии I так и не было проведено в жизнь, и все эти земли оставались свободными от обложения, даже если использовались соседями³.

Первое бесспорное известие о существовании обязанности крестьян платить подати за выморочные наделы соседей относится только ко времени Романа Лекапина (919—944). Симеон Метафраст свидетельствует, что в правление этого императора каждый должен был платить за умершего или бежавшего соседа⁴. Трактат об обложении, составленный в X в., после смерти императора Льва VI (886—912), указывает, что из числа соседей должны привлекаться землевладельцы для уплаты податей за умерших или бежавших односельчан (*τῶν ἐκ γειτόνων κληρονομημένων ἀλληλεγυώς ἐπὶ τοῖς ἐκείνων τελέσμασι*)⁵. Впрочем, Трактат об обложении отмечает, что в некоторых случаях не следует принуждать соседей принимать на себя податные обязанности бежавших крестьян. В таком случае

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 104.

² Theophanes Continuatus. Vonnae, 1838, p. 346.11. Эпопты и эксисоты — чиновники податного ведомства. Подробнее о них см. F. Dölger. Beitrüge, passim.

³ Theophanes Continuatus, p. 348.2—6.

⁴ См. К. Е. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, S. 255.

⁵ Tract., S. 119.1—2.

опустевшая земля образует так называемую класму (*κλασματική γη*), которую эптопы продавали по прошествии 30 лет¹.

Термин аллиленгий употребляется в византийских источниках в двух значениях. Во-первых, в узком значении — для определения обязанности динатов платить подати за выморочные наделы соседей-бедняков. Эта обязанность была установлена Василием II (976—1025) и впоследствии отменена Романом III Аргиром (1028—1034). Во-вторых, он встречается в ином, более широком значении: Трактат об обложении называет этим термином взаимную обязанность соседей отвечать за исправное отправ-ление государственных повинностей. В том же значении этот термин употреблен в грамоте 1097 г., где идет речь о праве взаимного наследования (*ἀλληλοδιαδόχως*) и о взаимной ответственности за уплату податей (*ἀλληλεγγύως*)². Наконец, в стихотворении кипрского архиепископа Николая Музалона (ок. 1110 г.) также упомянута обязанность крестьян отвечать по принципу круговой поруки (*ἀλληλεγγύως*) за уплату податей: в случае отказа крестьянина уплатить подати сборщики налогов требовали уплаты их с его односельчан³.

Таким образом, к началу X в. в Византийской империи сложилась обязанность крестьян уплачивать подати за соседей в случае их смерти, бегства и, видимо, в случае их полного разорения. Эта обязанность называлась аллиленгий. Римский термин эпиболе, как показала Ж. Руйар, в указанный период в этом значении не употреблялся; согласно Трактату об обложении он обозначал передел земли пропорционально сумме уплачиваемых податей.

Аллиленгий еще не существовал в период составления Земледельческого закона, хотя в то время крестьяне имели право использовать пустующие земли соседей. После ряда попыток в IX в. византийское феодальное государство в начале X столетия превратило это право в обязанность, в аллиленгий. Следовательно, круговая порука, аллиленгий, ни в коей мере не была силой, создавшей общность византийской деревни: наоборот, она возникает в результате модификации общинных порядков, в результате подчинения общины государством.

Мы рассмотрели лишь одну сторону процесса наступления феодального государства на византийскую общину: подчинение общины выражалось также в увеличении повинностей, закабалении крестьян, превратившихся, по существу, в государственных крепостных⁴. В VIII—X вв. государственные повинности всех родов играли в Византии такую большую роль, как ни в одном европейском государстве того времени. Иначе говоря, класс византийских феодалов выкачивал значительные массы прибавочного продукта непосредственных производителей в форме централизованной ренты.

Своеобразие первого этапа процесса феодализации в Византийской империи состояло, следовательно, в том, что, наряду с разрушением общины и выделением аллодиальной собственности, наряду с подчинением крестьян феодальному поместью, имело место централизованное

¹ Tract., S. 119.3—8.

² Афонские акты, изд. Александром Лаврским. ВВ, т. IX, 1902, стр. 129.21. Эпаногога (XXIII, 23) устанавливает, что взаимное наследование (*ἀλληλοκληρονομία*) не признается законом, если только это условие не закреплено завещанием; однако она безоговорочно признает взаимное наследование стратиотов.

³ F. Dölger. Zu dem Abdankungsgedicht des Nicolaos Muzalon. BZ, 35, 1935, S. 14. Об употреблении этого термина в XIV в. см. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 94.

⁴ Ср. Г. Острогорский. О византийском државним сѣлацима и војницима. Глас САН, ССХIV. Одељење друштвених наука, књ. 3, 1954, стр. 40—41.

подчинение общины государству. Византийские феодалы были экономически еще слабы, а община обладала достаточной устойчивостью, чтобы сохранить себя как таковую, — но это сохранение было куплено дорогой ценой.

Первый этап процесса феодализации в Византии в основном завершается с разгромом широкого народного движения павликиан в конце IX в. Основным стержнем второго этапа феодализации, приходящегося на X и последующие века, явилось становление феодальной собственности „классического“ типа и изменение характера феодальной ренты: укрепившийся и разросшийся класс феодальных собственников приобретает возможность, опираясь на вооруженные дружины и частную юрисдикцию, осуществлять присвоение прибавочного продукта крестьянина без посредства развитого государственного аппарата. К концу X в. государственная централизованная рента все более оттесняется новой — вотчинной — формой эксплуатации. Этот процесс протекает в тесной связи с прогрессирующим разложением византийской общины, порождающим мелких вотчинников и облегчающим захваты крестьянских земель феодалами. Однако рассмотрение второго этапа процесса феодализации в Византии и изучение его специфических особенностей выходит за пределы настоящей статьи.
